

A misty forest with a winding road. The trees are bare and their branches are silhouetted against a pale, foggy sky. The road is dark and curves through the forest, with a white dashed line marking its edge. The overall atmosphere is somber and mysterious.

ВПУСТИ ВЕТЕР

КАТРИН БЕНКЕНДОРФ

18+

Катрин Бенкендорф

Впусти ветер

«Автор»

2018

Бенкендорф К.

Впусти ветер / К. Бенкендорф — «Автор», 2018

Порой единственное, что нам нужно для счастья — это просто открыть пошире ставни и впустить в свой дом, а заодно и в свою жизнь, ветер, чтобы он смел весь тот пепел воспоминаний, в котором ты годами себя хоронил. Вот только Макс приходит к этому лишь после череды загадочных и необъяснимых событий, которые комом навалились на него после тяжелого разрыва с любовью всей его жизни....

© Бенкендорф К., 2018

© Автор, 2018

Катрин Бенкендорф Впусти ветер

Был обычный сентябрьский день. Я успел выполнить все дела по работе еще до полудня, поэтому в половине первого уже валялся в обнимку с «Большими надеждами» Диккенса на своем диване в полудреме. Внезапно раздался звонок в дверь. Это было очень странно, ведь никто не мог знать наверняка, что я уже дома. «Наверное, опять что-то продают», – подумал я и нехотя побрел к двери.

Но это была Она. Что ж, очень в её стиле. Я открыл дверь. Она стояла с каменным лицом и отсутствующим взглядом. Прошло пару минут, прежде чем она вошла.

Что-то случилось. Я знал это. Она всегда приходила ко мне в такие моменты. Я уже давно привык к роли ее личного психотерапевта и всегда был готов ее выслушать. Наверное, если бы тогда я не был так одержим желанием вернуть её любовь, я бы понял, как много я значу для нее на самом деле.

Несмотря на то, что я часто видел её в подавленном состоянии, в этот раз произошло что-то действительно серьезное. Порой она специально нагоняла страстей, добавляя лишнего драматизма ситуации. В том заключалась особенность ее мироощущения: все, что ни происходило, она воспринимала словно через увеличительное стекло. Я знал это и всегда делил на десять то, что она рассказывала. Однако в тот день делить было не за чем.

Она молча, не разуваясь, прошла на кухню и села. Я проводил её взглядом и отправился следом.

– Чай, кофе? – поинтересовался я, зная, что самому начинать расспрашивать о случившемся бессмысленно. Сама заговорит, когда сочтет нужным.

Тишина. Что ж, вполне предсказуемо.

Я вскипятил воду в чайнике и налил две чашки растворимого кофе. Чай было лень заваривать, к тому же она все равно бы к нему не притронулась. Поставил кружку на стол. Закручивающиеся струи пара от кофе, казалось, создавали единственное движение в напряженно-натянутом пространстве кухни.

Я сел напротив. Как ни в чем не бывало, стал отхлебывать кофе.

– Погодка сегодня конечно... благоволит делам. Я с утра успел выполнить три заказа на установку и разобраться со всей бумажной волокитой. В другой бы день только к вечеру управился... а сегодня...

– Моя сестра – шлюха, – монотонно выпалила она.

Я не сразу понял, что она имела в виду. Ну мало ли, увела у кого парня или слишком откровенно кокетничала с кем-то, а иногда и вовсе без прямого повода можно броситься подобным оскорблением.

– В смысле? – решил уточнить я.

В ответ я был удостоен лишь уничтожающего взгляда.

Дело было серьезным. Похоже, смысл имелся в виду самый что ни на есть прямой.

Сестру Мэри, Энн, я видел только однажды. Милая, улыбчивая девочка, не обладающая излишней привлекательностью, но вызывающая искреннюю симпатию. Во всяком случае, таково было мое первое и на тот момент единственное впечатление о ней, посему мне было сложно представить, что она имеет хоть какое-то отношение к древнейшей профессии. Образ вульгарной девицы с прокуренным нижним бельем и изрядно поношенным лицом никак не желал состыковываться с тем сияющим выражением глаз и доброй улыбкой на молочно-глянцевом лице с розовым румянцем.

Ошарашенный, я не мог прийти в себя несколько минут.

– Ты уверена? Может, ты просто что-то не так поняла?

Все тот же испепеляющий взгляд, отрезающий любые сомнения. Однако она все же решила снизойти до ответа и, уставившись в прежнюю точку на стене, отчеканила:

– Я встретила её в отеле «Монреаль», она как раз уходила с клиентом.

– А ты-то что там делала? – не удержался я.

Посмотрела на меня, недоумевающе, как на идиота, но все же ответила:

– Ходила обговаривать вопросы по рекламе.

– А... Ну, а с чего ты взяла, что это был клиент? Может, парень просто её.

– Девочка на ресепшне сказала. Мол, давно у них «сотрудничество с этим элитным агентством по эскорт-услугам»...

Тишина. Натянутая, до дребезжания в ушах.

– Ты с ней говорила?

Помотала в стороны головой.

– А с родителями?

Знаю, глупый вопрос, но отчего-то сорвался сам с языка.

Опять отрицательно помотала.

– Я как узнала, сразу к тебе. Даже про дела забыла.

– Ну ладно, что из этого трагедию делать, в конце концов. Жива-здорова же! Может, ей вообще нравится эта работа!

Я, признаться, на самом деле так не считал. Просто ляпнул первое, что пришло в голову, чтобы хоть как-то разрядить атмосферу.

Взгляд – «Ты это вообще серьёзно?»

Я скривил извиняющуюся мину.

Мы давно уже научились общаться просто глазами, понимая друг друга без слов. В этом нам бы позавидовала ни одна семейная пара. Только, к сожалению, одного понимания не хватает, чтобы быть этой самой парой.

Я не знал, что еще сказать. Она тоже больше не обмолвилась ни словом. В полной тишине мы просидели около получаса. Потом она вдруг отвернулась и тихо заревела, я понял это по характерным всхлипываниям и содроганию хрупких плеч. Я подошел и обнял её. Она не противилась. В минуты горя мы всегда становились близки, как никогда: я стирал теплые слезы с любимых щек, ощущал её прерывистое горячее дыхание на своей груди, золотисто-пшеничные волосы нежно щекотали мне нос.

Потом она встала, небрежно смахнула последние слезы с глаз, одернула юбку и глотнула давно остывшее кофе:

– Я пойду. Прости, – смягчившимся голосом сказала она и, не дожидаясь ответа, развернулась и ушла, оставив меня, как обычно, одного переживать произошедшее.

Мэри встретила с сестрой через неделю. Все это время я не видел и не слышал её, на звонки она не отвечала, и дома, по-видимому, тоже не появлялась.

– Почему ты там работаешь? – было первым её вопросом, когда она увиделась с Энн.

Энн улыбнулась своей широкой лучезарно улыбкой.

– Ну если хочешь, могу в другое агентство податься! – попыталась пошутить она, однако на лице Мэри ни одна мускула не дрогнула: шутить было бессмысленно и даже опасно. Поняв, что от серьёзного разговора не отвертеться, Энн продолжила: – Послушай, сестренка, мне просто нравится эта работа. Секс сам по себе достаточно приятная штука. А когда за это еще и платят не плохо!.. – на секунду она замолчала, – К тому же у нас элитное агентство, они имеют дело только с серьёзными и уважаемыми персонами...

– Да хоть с самим папой римским, потаскухой ты от этого становишься не меньшей! – впервые за прошедшую неделю Мэри не смогла больше сдерживать себя. – Какого черта, Энн?

Что тебе не хватало в жизни?! Мы с родителями из кожи вон лезли, чтобы ты ни в чем не нуждалась!

– Значит зря старались, сестренка! Ничего хорошего из меня все равно бы не вышло, вы и сами это прекрасно знаете.

В мгновение между сестрами выросла бездонная пропасть. Мэри может и хотела бы понять сестру, только сил на это совсем не осталось. А Энн, хоть всегда и мечтала быть похожей на Мэри, не могла не быть собой.

– Родителям я ничего не скажу, можешь спать спокойно, – это были последние слова Мэри. Затем она, по привычке не дожидаясь ответа, развернулась и ушла. С тех пор они с сестрой не виделись.

Я встретился с Мэри спустя пару дней.

– Я уезжаю.

– Как, опять? Куда?

– Не знаю.

– Я так и думал.

Молчание.

– Меня с собой возьмешь? – глупо, но я надеялся каждый раз, что она скажет «Да».

– Ты же знаешь. Это путешествие для одного.

– Знаю. Просто все жду, когда же в этом путешествии найдется место для второго.

Она улыбнулась. «Не грусти, все будет хорошо».

«Да, я знаю».

Она обняла меня так, что я почувствовал, как бьется её сердце. «Остановись мгновенье, ты прекрасно!» – прокричал бы я, если бы находился на месте Фауста. Но мы были, увы, не в поэме Гете, и то мгновенье ускользнуло от меня безвозвратно.

И вот – я снова без Мэри.

Я устал жить без неё, и это мое постоянное состояние.

Я рухнул обратно на диван и погрузился в мысли. Моя память стала нещадно прокручивать в голове один и тот же злополучный день, с которого-то и началось мое падение.

Воскресный вечер. Январь. За окном тихо падает снег.

– Знаешь, последний месяц мне снится все один и тот же сон, – за чашкой чая после ужина заговорила она, мы тогда жили вместе и встречались уже больше года, – Как будто я бегу и попадаю в жуткий лабиринт из комнат. Везде, куда бы я не побежала – тупик. В безумном отчаянии я разбиваю стекла, прыгаю, когда со второго, когда с третьего этажа и бегу, что есть мочи. Перелезаю через высокий железный забор и оказываюсь снова в тупике. Очередное помещение, тупик. Я снова разбиваю стекла. И так, пока не проснусь...

– Что, каждый день снится?

– Почти.

– А чего раньше не говорила?

– Думала, пройдет.

– А от кого бежишь?

Она пожала плечами.

– Не знаю, что-то ищу как будто.

Я догадывался, к чему она ведет. Уже давно у нас не ладились отношения. И что делать не знала ни она, ни я. Единственное, чего я боялся, это того, что она меня разлюбила.

А на следующее утро, пока я был на работе, она собрала все свои вещи и уехала.

– Прости, я так больше не могу, – сухо говорил какой-то совершенно незнакомый мне голос в трубке телефона.

– Скажи хотя бы – любишь?

– Уже не знаю, – все так же беспристрастно выпалила она.

– А любила?

– Любила.

После этого я не видел Мэри больше полугода. А когда она объявилась, я предложил ей остаться просто хорошими друзьями. Тогда это вовсе не казалось мне банальным. Это был мой последний шанс остаться на плаву. Она согласилась, чуть помешкав. И я тому был рад несказанно. Лишь бы видеть ее, хоть изредка, дышать ей, чувствовать ее тепло...

Город снова опустел.

Хотя люди по-прежнему каждый день вставали и шли на работу, заполняя своими телами пространство мертвого города, бессмысленность происходящего порождала во мне ощущение иллюзорности, будто я всего лишь прошаживаюсь по длинным рядам выставки какого-то малоизвестного художника, просматривая картины из несуществующего настоящего.

Без Мэри город был пустым.

Без Мэри я был пустым.

День сменяла ночь, за ночью приходил день. Из дома я шел на работу, с работы – домой. Говорят, самое темное время бывает перед рассветом. Но мой рассвет, похоже, просто засосала затянувшаяся ночь.

Наша жизнь находится только в наших руках. Но когда из неё пропадает смысл, она теряет всякую ценность, и мы просто выбрасываем её, как ненужный хлам, отдаваясь всецело на волю случая. А потом кто-то, прогуливаясь, находит эту выброшенную жизнь, подбирает и разгребает скопившейся внутри мусор. Часами рассматривает её, оценивая ущерб, нанесенный временем, будто продавец антиквариата, и, в конце концов, решает забрать себе. Надо понимать, что подобрать осиротевшую жизнь может кто угодно: большинство захочет её использовать в своих корыстных целях, и только единицы попробуют вернуть жизнь своему хозяину.

Я до сих пор толком не разобрался, какие цели по-настоящему преследовала Энн, позволив мне тем субботним вечером. Я, как обычно, отлеживался после пятничного кутежа. Пьянки к тому времени стали моим обычным ритуалом, позволявшим хоть ненадолго забыться и не думать о Мэри. Похмелье с каждым разом было все сильнее, но, несмотря на это, пить я не переставал и даже не убавлял дозы. Мне было все равно: на себя, на свою жизнь.

И вот, когда я был уже в пограничном состоянии между сном и реальностью, раздался телефонный звонок, будто дрелью сверливший мою голову.

– Макс, это Энн, сестра Мэри, помнишь такую?

С трудом разобрал смысл слов и выдержав многозначительную паузу, в течении которой Энн могло показаться, что я вспоминаю, кто же она такая (хотя все, что касалось даже косвенно Мэри, я знал отлично), я ответил:

– Да, Энн, привет, конечно помню. Как дела?

– Ты прости, что тебе звоню. Я не помешала? – полностью проигнорировав мой вопрос, выпалила она, как будто полдня готовила эту речь и теперь просто читала её с бумажки.

– Нет, я не занят.

– Тут такое дело... В общем, лучше не по телефону. Можно я к тебе приеду сейчас?

Я глянул на часы. Шел десятый час. Не лучшее время для посещения холостого мужчины приличной девушкой. Но я тут же вспомнил последний инцидент, связанный с её работой, и понятие «приличной» потеряло былую важность.

- Ну приезжай, а что... – «случилось», хотел я поинтересоваться, но Энн меня перебила.
- Спасибо тебе большое, я уже еду! Все объясню при встрече.

Пока Энн добиралась до меня, я привел себя и квартиру в порядок: почистил зубы, умылся, причесался, оделся поприличнее, вымыл накопившуюся грязную посуду, убрал раскиданные вещи в стиральную машину, выбросил пустые жестяные банки из-под пива и с чистой совестью лег опять на диван. Энн все не было. Стрелки часов показывала уже четверть одиннадцатого. «Откуда она едет интересно», – подумал я и стал вспоминать, где живут родители Мэри, хотя вряд ли Энн жила с ними, мне просто надо было чем-то занять свои мысли, чтобы не уснуть.

Я совершенно не представлял, что могло случиться у Энн, с которой мы виделись-то всего раз, чтобы она вдруг выразила намерение приехать ко мне, да еще и так поздно. Наконец, где-то в половине одиннадцатого, прервав мои бессмысленные блуждания мыслей, в дверь раздался звонок.

Энн оказалась, как мне и помнилось, очень миловидной девушкой, правда, напрочь лишенной сходства с сестрой. Я бы даже сказал, она была полным антиподом Мэри: небольшой рост, темные волосы, карие глаза.

– Привет, еще раз прости, что так поздно. – тихо и по-свойски поздоровалась она, как будто мы были давними приятелями, и начала стягивать с себя пальто. Тут-то я только и заметил, что она была подвыпившая. «Только этого не хватало!» – подумал я, не понаслышке зная о сложностях совладения с пьяными женщинами, но выгонять её в таком состоянии среди ночи тоже было нельзя.

Сняв пальто, она напрямик направилась на кухню. На ней были джинсы и кофта с непозволительно откровенным декольте, наполовину оголявшим её красивую грудь. Я молча пошел за ней.

– Как ты узнала, где я живу? – спросил я, заваривая чай.

– У нас есть все твои контакты. – ответила удивительно четко она, так, что по голосу вряд ли можно было догадаться, что она пьяна.

«У нас, это, наверное, у всех членов семьи», – домыслил я и поставил кружку черного чая с лимоном перед ней. Энн не обратила на это внимания.

– Знаешь, я тут просто весь вечер думала о Мэри... Мы с ней так нехорошо расстались, – её глаза стали наполняться соленой водой, – А она же моя сестра! Я очень её люблю.

Я слушал, не перебивая. Энн тем временем заплакала, но через минуту собралась и продолжила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.